

18+

СЕРИЯ «ИСТОРИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ»

МЕЛКОВ АЛЕКСЕЙ ВАЛЕРЬЕВИЧ

ГРОЗНАЯ ДЕРЖАВА

КНИГА ТРЕТЬЯ

БАЛТИЙСКИЕ ВРАТА

ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАН-ДЕТЕКТИВ

Алексей Мелков

**Грозная Держава. Книга
третья: Балтийские врата**

<https://litres.ru/74465424>

ISBN 9785007122726

Аннотация

«Балтийские врата» — исторический детектив о борьбе Ивана Грозного за выход России к Балтийскому морю на фоне Ливонской войны. Параллельно с военными походами развивается тайное расследование: раскрывается сеть поддельных грамот и политических провокаций, способных превращать подозрение в государственную измену.

В книге переплетаются Нарва и Полоцк, опричнина и трагедия Новгорода, бегство Курбского, пожар Москвы, победа при Молодях и героическая оборона Пскова.

Содержание

СЕРИЯ «ИСТОРИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ»	6
ГРОЗНАЯ ДЕРЖАВА	6
КНИГА III	7
БАЛТИЙСКИЕ ВРАТА	7
Исторический детектив	8
ПРОЛОГ	9
Письмо, которого не было	10
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	13
МОРЕ	13
Глава 1	14
Земля кончается не везде	14
Глава 2	19
Человек из снега	19
Глава 3	23
Царица	23
Глава 4	26
Юрьевский долг	26
Глава 5	28
Нарва	28
Глава 6	30
Город, который открыл ворота	30
Глава 7	32
Государь входит в войну	32

Глава 8	34
Дерпт	34
Глава 9	36
После победы	36
Глава 10	38
Советники	38
Глава 11	40
Яд	40
Глава 12	43
После Анастасии	43
ЧАСТЬ ВТОРАЯ	46
РАЗРЫВ	46
Глава 13	47
Те, кто были рядом	47
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Грозная Держава. Книга третья: Балтийские врата

**Алексей
Валерьевич Мелков**

© Алексей Валерьевич Мелков, 2026

ISBN 978-5-0071-2272-6 (т. 3)

ISBN 978-5-0071-1839-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

**СЕРИЯ «ИСТОРИЧЕСКИЙ
ДЕТЕКТИВ»**

ГРОЗНАЯ ДЕРЖАВА

КНИГА III

БАЛТИЙСКИЕ ВРАТА

Исторический детектив МЕЛКОВ АЛЕКСЕЙ ВАЛЕРЬЕВИЧ

2026

Авторская редакция №1

Дата завершения редакции: 1 сентября 2026 года

© Мелков Алексей Валерьевич, 2026

Роман является художественным произведением. Исторические события и лица представлены в литературной интерпретации; вымышленные персонажи, диалоги и детективная линия служат авторскому замыслу.

ПРОЛОГ

Письмо, которого не было

Рига. Осень 1557 года.

В ту ночь Двина казалась черной — не просто темной, а глубокой, как прорезь в земле. Фонари на пристани едва касались воды тусклыми кругами, дальше начиналась мгла, и только плеск у свай выдавал течение. Человек в сером плаще сошел с лодки последним. Лодочник не спросил имени: в портовом городе за лишние вопросы иногда платили больше, чем за перевоз, а иногда — жизнью.

— До рассвета меня не было, — сказал пассажир.

— До какого рассвета?

Человек впервые улыбнулся.

— Умный.

Он поднялся по мокрым ступеням и исчез между амбарами. Ветер нес с реки запах смолы, соли, мокрого дерева и рыбы. За стенами складов лежали английское сукно, железо, воск, русские меха, пенька, соль. Деньги нескольких держав мирно соседствовали там, где их владельцы уже готовились воевать друг с другом.

У третьего амбара человек остановился. Три коротких удара, пауза, еще два. Засов отодвинули. Внутри пахло воском и старой кожей. Посреди склада стоял стол. Между двумя свечами лежал лист пергамента с красной печатью.

— Опоздали, — произнес сидевший за столом мужчина по-немецки.

— На реке ветер.

— Ветер не оправдывает опоздания.

— Мертвых оправдывает.

Мужчина поднял глаза. Он был худ, почти лишен возраста, одет богаче, чем полагалось хозяину портового склада. На пальце поблескивал тяжелый перстень.

— Кто умер?

Человек в сером снял перчатку. На ладони была кровь.

— Тот, кто вез вторую половину.

Молчание стало плотнее.

— Где она?

— У русских.

— Вы уверены?

— Если бы не был уверен, не пришел бы.

Мужчина поднялся и посмотрел на пергамент.

— Значит, все изменилось.

— Пока ничего. Москва не знает, что получила.

— А когда узнает?

Человек в сером провел пальцем по чужой подписи.

— Тогда царь Иван перестанет думать, что война с Ливонией начинается только из-за дани.

— А из-за чего она начнется?

— Из-за страха.

— Чьего?

— Всех.

На пергаменте стояло имя русского государя. И подпись, которой Иван Васильевич никогда не ставил.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

МОРЕ

Глава 1

Земля кончается не везде

Москва. Ноябрь 1557 года.

Царь долго смотрел на карту. Она была плохой не потому, что мастер не умел рисовать. Висковатый принес лучшее, что удалось собрать в Посольском приказе: русские чертежи, купеческие сведения, немецкие листы, выписки из рассказов новгородцев и псковичей. Но всякая карта лгала. Реки изгибались по прихоти писца, города стояли слишком близко или слишком далеко, леса изображались кучками зеленых деревьев, будто настоящий лес можно было пересечь пальцем.

Только море не помещалось на столе.

Иван положил ладонь на западный край листа.

— Вот здесь Нарова?

— Здесь, государь. А ниже Чудское озеро.

— А море?

— Еще западнее.

— Я вижу, что западнее.

Висковатый не оправдывался. Он давно понял редкое свойство царского гнева: не всякий резкий вопрос требует ответа, но всякий требует внимания.

После Казани и Астрахани лицо Ивана изменилось. В нем еще можно было узнать молодого государя, стоявшего перед Казанью, но прежняя мягкость исчезала. Волга дала ему уверенность, какой не могла дать одна коронация. Большая река, еще недавно принадлежавшая множеству властителей, купцов, ханов и степных дорог, теперь все чаще называлась русской. Но победа обнаружила новую тесноту.

В государство текли меха, воск, кожи, хлеб. Нужны были литейщики, инженеры, лекари, оружейники, мастера корабельного дела, люди, умеющие строить рудники и крепости. И слишком часто, чтобы получить их, Москва должна была спрашивать разрешения у чужих.

— Они держат нас за горло, — сказал Иван.

— Не одни ливонцы.

— Знаю. Немец пропустит сукно, соль, вино. А хорошего пушечного мастера задержит. Книгу продаст, а человека, который умеет ее написать, — не отдаст. Почему?

— Потому что ремесло тоже оружие.

— Вот. Значит, понимают.

Вошел князь Андрей Курбский. Он шагал широко, почти по-походному, словно царские палаты были продолжением военного лагеря.

— Велел звать, государь?

— Велел. Посмотри.

Курбский склонился над картой.

— Ливония.

— Что видишь?

— Плохую землю для большой войны. Болота, леса, крепости. Возьмешь один город — из другого придут. А за ними Польша, Литва, швед.

— И море.

— И море.

— Боишься моря?

Курбский усмехнулся.

— Болот не люблю.

Иван коротко рассмеялся, потом снова посерьезнел.

— Юрьевская дань. Заплатят?

Висковатый ответил:

— Скорее будут тянуть.

— Тогда взять самим, — сказал Курбский.

— Серебром?

— Землей.

Иван провел пальцем вдоль Наровы и остановился на Нарве.

— Вот здесь я хочу русский корабль. Не купеческую лодью. Наш корабль, который вышел из нашего порта и ни у кого дороги не спрашивал. Государство, которое не может дойти до моря, однажды обнаружит, что море пришло к нему само. Только вместе с чужим войском.

Первым нарушил молчание Висковатый.

— Есть еще дело, государь.

Он достал маленький сверток. На неровном куске перга-

мента оставалось несколько латинских строк и одна русская буква.

— Из Новгорода. От Тимофея.

— Что написано?

— «Когда восточная река будет принадлежать ему, обратится он к западному морю...»

Курбский нахмурился.

— Пророчество?

— Нет. Пергаменту несколько месяцев.

Висковатый перевернул лист. На обороте был выведен знак: круг, рассеченный тремя линиями.

Иван узнал его первым. Тот же знак встречался на листах исчезнувшего государственного свода — на грамотах, появлявшихся там, где их не могло быть. Кто-то не просто крал государственные бумаги. Кто-то умел создавать прошлое, способное заставлять людей убивать друг друга в настоящем.

— Где Тимофей?

— Едет в Москву.

— Один?

— Был не один. Человек, который нес вторую половину листа, погиб.

Курбский посмотрел на пергамент уже иначе.

— Разбой?

— Не взяли ни денег, ни оружия, ни сапог.

Иван положил обрывок на карту. Он лег прямо на Ливо-

нию.

— Когда Тимофей прибудет — ко мне. И никому об этом.
Курбский поднял бровь.

— Даже мне?

Иван посмотрел на него.

— Ты уже знаешь.

— Значит, мне можно?

— Пока можно.

Курбский засмеялся. Висковатый — нет. Иван тоже.

Глава 2

Человек из снега

Тимофей приехал ночью. Конь под ним почти падал. У Арбатских ворот стражники долго не хотели пропускать одинокого всадника, покрытого снегом и дорожной грязью, пока тот не назвал Висковатого и не показал серебряный знак Посольского приказа.

Через четверть часа его вели по темным переходам. Висковатый ждал не в приказе, а у себя, и это было дурным признаком. На столе стояли хлеб, холодная рыба и миска капусты.

— Сначала говори.

— Сначала воды.

Тимофей выпил два ковша, потом третий. Снял кафтан. На боку темнело пятно крови.

— Твоя?

— Немного.

— Чья остальная?

— Григория.

— Умер?

Тимофей кивнул.

За годы он стал шире в плечах, под левым глазом остался

тонкий шрам. В Казани он учился не бояться. На Волге — скрывать страх. Теперь ему предстояло научиться не доверять очевидному.

— Начинай с Риги, — сказал Висковатый.

— Началось в Москве.

Дьяк поднял голову.

— Объясни.

— Человек, которого я искал в Риге, знал о решении Государевой думы прежде, чем я покинул Новгород. О переговорах по юрьевской дани.

Висковатый медленно положил ладонь на стол.

— Это обсуждали при государе.

— Потому и говорю. Кто-то из окружения или из тех, кто стоит рядом с окружением, разговаривает с Ливонией.

— Бумагу мог вынести писец, подьячий, слуга, человек у двери. Не спеши назначать предателя.

Тимофей усмехнулся.

— Вот теперь узнаю тебя.

В Риге он искал писаря Матиаса Крейца. Тот когда-то работал у торгового дома, потом исчез и всплыл возле архиепископского двора. Человек, подтвердивший это, умер на следующий день. Самого Крейца Тимофей нашел на полчаса живым. Перед смертью тот успел сказать, что государев свод никогда не был одной книгой.

— Было несколько списков, — пересказал Тимофей. — Подлинные и составленные позже. Кто-то собирает из них

новую книгу.

— Зачем?

— Крейц сказал: «Чтобы дать каждому государю то прошлое, которое ему понадобится».

Висковатый встал и подошел к печи.

— Тогда это не архив. Это оружие. Если собрать печати, образцы подписей, старые договоры, можно доказать, что земля принадлежит любому. Что князь присягал. Что не присягал. Что род имеет право на престол или не имеет.

Тимофей достал тонкую металлическую пластинку. На ней был тот же круг с тремя линиями.

— У Крейца в сапоге.

— Что еще?

— Имя. Генрих Фальк.

Висковатый замер.

— Слышал. Формально купец. Но люди, которые слишком часто бывают при разных дворах и каждый раз утверждают, что продают сукно, обычно торгуют не сукном.

Потом Тимофей рассказал о смерти Григория. Ночью в деревне собака была отравлена, товарища нашли у колодца с перерезанным горлом. Кошель, оружие и рукавицы остались. Исчез лишь обрывок пергамента. Убийца бежал плохо: левую ступню ставил наружу.

Рядом с телом лежала деревянная пуговица. На внутренней стороне — буква «К».

— Крейц? — спросил Висковатый.

— Слишком просто.

— Курбский?

Тимофей резко поднял глаза.

Дьяк усмехнулся.

— Видишь? Одна буква — и ты уже способен назвать тысячу людей. Запомни: с этого часа мы не верим буквам, печатям, подписям и даже грамотам, если не знаем, откуда они появились. Кто-то хочет, чтобы мы обвиняли раньше, чем успеем подумать.

— Государю расскажем?

— Уже рассказал. Он хочет видеть тебя.

Тимофей взял хлеб.

— Тогда хотя бы доем.

Висковатый впервые улыбнулся.

— Вот поэтому ты до сих пор жив.

Глава 3

Царица

Анастасия встретила мужа не вопросом. Она протянула ему руку, и Иван сел рядом. В ее покоях было тепло, у стены горела лампада, на столике лежали книга и шитье. Здесь государь переставал быть человеком, которого боялись в приказах. Не совсем. Но достаточно, чтобы это замечали те, кто умел смотреть.

— Опять не спал, — сказала она.

— Спал.

— Когда?

— Вчера.

— Сколько?

— Не считал.

— Значит, мало.

Она коснулась его виска.

— Ливония?

— Откуда знаешь?

— Москва говорит.

— Москва слишком много говорит.

— Она всегда говорила. Просто теперь ты чаще слушаешь.

Иван рассказал про море, про мастеров, которых задерживают, про дань, про крепости. Анастасия слушала без желания победить его в споре. Поэтому он слушал ее.

— Ты против войны?

— Я против того, чтобы ты желал войны раньше, чем убедишь себя, что она нужна.

— Разница?

— Когда война нужна, думаешь, как закончить. Когда же лаешь — только как начать.

Иван нахмурился.

Она заметила и спросила:

— Еще что-то?

Он рассказал про обрывок, знак и рижского писаря. Не все, но больше, чем собирался.

— И ты думаешь, это связано с Ливонией?

— Думаю, связано со мной.

Анастасия встала к лампаде.

— Когда человек хочет заставить тебя сделать то, чего желает сам, у него два пути. Убедить — трудно. Второй легче: сделать так, чтобы тебе показалось, будто решение принадлежит тебе.

Иван перестал улыбаться.

— Значит, кто-то хочет войны?

— Может быть. Или хочет, чтобы ты боялся, что ее хотят другие.

— Если война мне нужна, никакая бумага не потребуется.

Анастасия повернулась.

— Вот этого я и боюсь.

Он подошел.

— Ты меня боишься?

— Иногда.

— Когда гневаюсь?

— Нет. Когда перестаешь сомневаться.

Эти слова он запомнил. Позднее они будут возвращаться — во время казней, в бессонные ночи, после известий о бегстве друзей. Но сейчас Анастасия была жива, и за окнами Кремля шел снег.

А далеко на западе Генрих Фальк развернул украденную половину пергамента. Собеседник вскочил, когда он поднес лист к свече.

— Что вы делаете? Мы заплатили за грамоту!

— За грамоту — да. Но не за правду.

— Теперь у нас нет доказательства.

Фальк дождался, пока огонь съест последнюю строку.

— Напротив. Теперь доказательство осталось только у русского царя. Человек сильнее всего верит тайне, которую считает украденной у врага.

Глава 4

Юрьевский долг

В январе морозы стали такими, что деревья трещали ночью. На запад двинулись русские полки. Не все еще называли происходящее войной. В приказах писали осторожнее: взывание долга, наказание за неисполнение обязательств, защита государевых земель. Слова шли впереди войска, как разведчики. За ними двигались пушки.

Тимофей ехал с передовым отрядом. Рядом молчал человек, которого Висковатый представил просто:

— Семён.

— Какой Семён?

— Достаточный.

Так Тимофей понял, что настоящего имени ему не скажут.

Семён был лет сорока, с неприметным лицом и руками ремесленника. Он мог сойти за кузнеца, торговца, конюха или служилого человека.

— Немецкий знаешь? — спросил Тимофей.

— Немного.

— Ливонский?

— Немецкий и есть немецкий.

— Скажи это в Риге.

— Не скажу.

На третий день у дороги нашли тело. Мужчина лет тридцати, в хорошей шубе. Кошель оставлен. В кармане — письмо, адресованное князю Андрею Курбскому.

Тимофей не стал разворачивать.

— Боишься читать? — спросил Семён.

— Боюсь поверить.

Письмо запечатали и отправили в Москву.

Через несколько дней Тимофей впервые увидел Ивангород. Крепость тяжело стояла над рекой. На другом берегу — Нарва. Так близко, что казалось, воду можно перекинуть веревкой.

— Вот и море рядом, — сказал Семён.

— Это еще не море.

— Для государя уже море.

С нарвской стены ударила пушка. Ядро врезалось в русский берег, снег и земля взметнулись. Лошади шарахнулись.

Семён спокойно посмотрел на дым.

— Вот теперь можно считать, переговоры начались.

Тимофей смотрел на стену. Среди фигур ему показалось знакомым движение одного человека: высокий, чуть прихрамывает, левую ступню ставит наружу. Убийца Григория.

Фигура исчезла за зубцами.

Если этот человек прибыл в Нарву раньше русских полков, значит, кто-то знал не только направление войны. Кто-то знал день, когда она начнется.

Глава 5

Нарва

Весной река принесла огонь. Поначалу никто не понял, откуда он взялся. Над Нарвой поднялся дым, ударили колокола, пожар перекидывался с кровли на кровлю. На русском берегу люди выбегали из шатров.

— Горит!

Воеводы спорили, не ловушка ли это. Но город действительно горел. Пушки заговорили с обеих сторон. Вода вспухала от ядер.

Тимофей слышал голос Семёна:

— Нашел.

Небольшая лодка шла вниз по реке. В ней сидели трое, один в сером.

— Фальк?

— Возможно.

Лодка пристала ниже укреплений. Трое вышли. Тимофей догнал одного, сбил с ног, отбил нож. Семён исчез между деревьями. Послышался выстрел. Человек в сером лежал у сосны, кровь расплзалась по груди.

— Фальк?

— Нет. Подмена.

Раненый был молод.

— Где Фальк? — спросил Тимофей по-немецки.

— В Москве.

— Что?

— Он давно...

Кровь пошла горлом.

— Кто в Москве?

— Вы думаете... открываете дверь... к морю... А открываете...

Он умер.

На груди под рубахой висел медный крест. С обратной стороны была выцарапана цифра: 1564.

— Ошибка? — спросил Тимофей.

— Может быть номер, — сказал Семён.

— Семь лет вперед.

Грохотали пушки. Нарва горела. Война становилась действительностью. А в руке Тимофея лежала вещь с датой будущего — годом, когда князь Андрей Курбский действительно покинет Россию. Но пока об этом не знал никто. Даже сам Курбский.

Глава 6

Город, который открыл ворота

Нарва не сдавалась сразу. Пожар не означал поражения. На башнях работали орудия, за стенами метались люди. Но Тимофей уже знал: крепость — это не камень. Крепость — люди, пока они верят, что стена спасет. Когда человек на стене не начинает думать не о победе, а о том, где спрятаны жена, дети и деньги, камень становится просто камнем.

После переговоров русские вошли в город. На улицах лежала зола. Дома дымились. Где-то плакали женщины, где-то уже печатавали склады. Утром дом принадлежал нарвскому купцу, в полдень победителю, вечером — государю. Через год летописец напишет, что город «перешел», будто сам поднялся и сделал шаг.

В одном доме задержали обожженного писаря Иоганна Брауэра, ранее служившего в артиллерии. Тимофей положил перед ним крест с числом 1564. Иоганн побледнел.

— Что это?

— Номер.

— Чей?

— Списка.

— Номер человека?

— Иногда цель — человек. Иногда город. Иногда государь.

— А число?

Иоганн долго молчал.

— Номера дают событиям.

Тимофей почувствовал холод.

— Как можно дать номер событию, которое еще не произошло?

Иоганн ответил тихо:

— Если его собираются устроить.

Глава 7

Государь входит в войну

В Москве известие о Нарве приняли как знак. После неожиданной победы люди быстро забывают сомнения, которые предшествовали успеху, и начинают считать его доказательством неизбежности.

Иван слушал гонца стоя. Спросил о потерях, пленных, пушках, складах.

— Значит, окно есть, — сказал он у карты.

— Окно можно закрыть, — заметил Висковатый.

— А ворота?

— Ворота можно отбить.

— Все можно отбить.

Царь провел пальцем к Дерпту.

На совете Курбский снова говорил о мере. Ливония ослабевала, но за ней стояли Польша, Литва и Швеция.

— Решим, чего хотим, — сказал князь. — Торгового пути или всей Ливонии. Это разные войны.

— А ты какую хочешь? — спросил Иван.

— Ту, которую можно закончить.

— Победой?

— Миром.

Слово государю не понравилось.

После совета Висковатый получил донесение Тимофея о 1564. Он написал на маленьком листе: «Не дата. Возможное обозначение операции. Фальк, вероятно, действует внутри государства». И добавил: «Не говорить государю до проверки».

Решение было осторожным. Через несколько лет оно могло выглядеть как сокрытие.

Глава 8

Дерпт

Юрьев помнил русских раньше, чем стал Дерптом. В этом и заключалась опасность старых земель: каждый народ хранил собственное прошлое, и каждое прошлое давало право требовать настоящее.

Русские называли город Юрьевом. Ливонцы — Дерптом. Каждое имя было маленькой армией.

Армия двигалась тяжело. Дожди испортили дороги, пушки вязли, лошади падали. Крестьяне уходили в лес, прятали хлеб, гнали скот.

В городе Тимофей искал следы Фалька. Купец рассказал, что тот покупал старые книги, печати, образцы подписей и пергамент.

— Коллекционировал, — сказал купец.

Семён рассмеялся.

— Конечно.

Во время осады к Тимофею пришел старый священнослужитель Маттиас Рейнгольд.

— Я знал Фалька.

— Все, кто говорит это, потом быстро умирают.

— Поэтому пришел сам.

Рейнгольд объяснил принцип: государям не обязательно приказывать. Достаточно показать письмо, будто враг готовит нападение, и государь сам сделает нужный шаг. Фальк сегодня продавал поляку сведения о Москве, завтра Москве — сведения о поляке, потом показывал немцу письмо, будто оба договорились разделить его землю.

— Что такое 1564?

Старик побелел.

— Номер русского дела.

— Название?

— «Разрыв».

— Чей?

— Московский. С самим собой.

Окно разлетелось. Рейнгольд дернулся, на груди появилась кровь. Перед смертью он прошептал:

— Сначала... друзья...

Тимофей выбежал и увидел на крыше высокого человека с вывернутой наружу левой ступней. Погнался. Незнакомец обернулся, лицо закрывала ткань.

— Не спеши, Тимофей.

Он исчез.

Тимофей остановился. Он никогда не называл убийце своего имени.

Глава 9

После победы

Дерпт пал. Русские вошли под звон колоколов и грохот колес. Одни жители смотрели из окон, другие прятались, третьи уже думали, как жить при новой власти. Победа началась с беспорядка и заканчивалась бумагой: перепись имущества, присяга, описи складов, назначение стражи.

В ратуше Тимофей и Семён перебирали архивы. Среди сундуков нашли один без печати. Внутри лежали договоры, письма, старые оттиски и сверток, обвязанный черной лентой.

Тимофей разрезал ленту.

Список русских имен. Бояре, дьяки, воеводы, купцы. Напротив каждого число.

Курбский Андрей Михайлович — 1564.

Адашев Алексей Федорович — 1560.

Сильвестр — 1560.

И последняя строка:

Анастасия Романовна — 1560.

— Это годы, — сказал Тимофей.

— Или хотят, чтобы мы так подумали.

— Здесь имя царицы.

— Поэтому и нельзя бежать к государю раньше проверки.

— Если с ней что-то случится?

Семён посмотрел прямо.

— Тогда он поверит всему остальному.

На улице праздновали победу. В маленькой комнате два человека держали бумагу, которая могла уничтожить больше людей, чем артиллерия под стенами Дерпта.

— Теперь понимаю Фалька, — сказал Семён. — Ему не обязательно предсказывать будущее. Достаточно выбрать события, которые и без него возможны, и записать их заранее. Когда одно сбывается — верят остальному.

Тимофей смотрел на имя Анастасии.

— А если он хочет, чтобы первое сбылось?

— *Тогда нам осталось два года.*

Глава 10

Советники

К 1559 году война перестала быть легкой цепью побед. Ливония разрушалась, но пустое место немедленно заполняли соседи. Литва смотрела на восток, Польша считала выгоду, Швеция думала о Ревеле, Дания — о своих интересах. Москва обнаруживала древний закон политики: уничтожив одного противника, можно получить нескольких.

Адашев говорил осторожно. Курбский — прямо. Сильвестр иногда молчал, и это раздражало царя сильнее слов.

— Значит, теперь все мудрые? — спросил однажды Иван. — До Нарвы говорили нельзя. После Нарвы — хорошо. Теперь опять нельзя.

— Я говорил не «нельзя», — ответил Курбский. — Я говорил — закончить, пока мы можем выбирать условия.

— После побед остановиться?

— Иногда это называется разумом.

— А иногда трусостью.

Курбский побледнел. Адашев вмешался, но царь уже слышал не совет, а ограничение.

Вечером Анастасия сказала Ивану:

— Ты сердит на них не потому, что они неправы. Они

помнят тебя другим.

— Каким?

— Тем, который спрашивал.

— Я и теперь спрашиваю.

— Нет. Теперь чаще проверяешь, совпадает ли ответ с тем, что уже решил.

Он хотел возразить, но заметил ее бледность.

— Тебе нездоровится?

— Устала.

Он взял ее руку. Она была холодной.

В тот же вечер Тимофей принес Висковатому копию списка. Дьяк дошел до строки «Анастасия Романовна — 1560» и побледнел.

— Кто еще видел?

— Семён.

— Государю пока нет. Проверим кухню, лекарства, людей при дворе.

— Ты сам говорил не скрывать опасные сведения.

— Я говорил не обвинять без происхождения. Здесь бумага, которая хочет, чтобы мы испугались. Значит, прежде надо понять, чего именно она от нас требует.

Глава 11

Яд

Летом 1560 года Москва стояла в тяжелой жаре. Пыль висела над улицами, от реки тянуло сыростью, в Кремле было душно даже ночью. Анастасия лежала уже несколько дней. Сначала говорили о слабости, потом о горячке, затем при дворе перестали произносить диагнозы вслух.

Иван почти не отходил. Лекари менялись. Один предлагал отвары, другой кровопускание, третий советовал покой. Каждый говорил осторожно, и эта осторожность выводила государя из себя.

— Что с ней?

— Государь, признаки...

— Не «государь». Что?

Определенности не было.

Анастасия открыла глаза.

— Не мучай их.

— Тебе лучше?

— Конечно.

Он понял, что она лжет.

— Позову другого лекаря.

— Не надо.

— Надо.

— Иван.

Он замолчал. Она посмотрела долго и тихо спросила:

— Помнишь, что я говорила о бумагах?

Он напрягся.

— Почему сейчас?

— Потому что ты снова смотришь так, будто виновный уже найден.

В это время Висковатый, Тимофей и Семён проверяли всех, кто имел доступ к лекарствам, воде и пище царицы. Подозрительный аптекарь оказался вором. Слуга с неожиданными деньгами — игроком. Иностранец, переписывавшийся с Ригой, писал брату. Каждая деталь обещала заговор, но при проверке превращалась в обычную человеческую слабость.

Потом Семён нашел человека по имени Петр Воронец, недавно устроившегося к поставщику лекарственных трав. Он исчез в то самое утро, когда состояние царицы ухудшилось.

След привел за Москву. Воронца нашли мертвым на дороге. На шее — след струны. В кармане лежала пустая стеклянная склянка.

— Вот доказательство, — сказал Тимофей.

— Чего? — спросил Семён.

— Яда.

— Склянка доказывает стекло.

— Ты издеваешься?

— Нет. Самая хорошая ложь — та, в которой почти все правда.

В этот момент приехал гонец. По его лицу Тимофей понял прежде слов.

— Когда?

— Ночью.

— Царица?

Гонец перекрестился.

Тимофей достал список.

Анастасия Романовна — 1560.

Число перестало быть угрозой. Оно стало пророчеством.

И именно тогда Фальк одержал первую настоящую победу — не потому, что обязательно убил царицу, а потому, что отныне каждый, кто видел бумагу, уже не мог смотреть на случайность как прежде.

Глава 12

После Анастасии

Москва слышала колокола. Люди останавливались, крестились, женщины плакали. Для большинства смерть царицы была бедствием далекого дворца. Для Ивана исчез человек, рядом с которым ему не требовалось быть государем.

Он сидел один. Ни крика, ни слез. Это пугало сильнее гнева.

Висковатый держал список под одеждой и не решался показать. Но государь уже заметил, что вокруг болезни Анастасии велось тайное расследование.

— Ты что-то ищешь, — сказал он дьяку.

— Проверял людей.

— Почему?

— Были основания.

— Какие?

Висковатый понял: поздно. Достал бумагу.

Иван прочитал имена Адашева, Сильвестра, Курбского и остановился на строке Анастасии.

— Когда нашли?

— В Дерпте.

— До ее болезни?

— Да.

— И молчал.

— Хотел проверить.

— Ты знал, что ей угрожают.

— Я не знал. Было имя и число.

— Теперь это год ее смерти.

— Теперь — да.

Это было правильное рассуждение и самое бесполезное из возможных.

— Кто еще видел?

— Тимофей и Семён.

— Курбский?

— Нет.

— Адашев?

— Нет.

— Сильвестр?

— Нет.

Иван забрал список.

— Больше никогда не решай за меня, какую правду я способен выдержать.

В коридоре Тимофей спросил Висковатого:

— Показал?

— Пришлось.

— Что теперь?

Дьяк медленно пошел по переходу.

— Теперь начинается настоящее дело.

— Фальк?

— Нет. Теперь наше главное дело — сам государь и то, что он сделает с этим знанием.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

РАЗРЫВ

Глава 13

Те, кто были рядом

Сначала исчезли разговоры. Не люди, не должности, не имена — разговоры. Еще недавно Адашев мог войти к государю и спорить. Сильвестр мог говорить неприятное. Курбский мог возражать о войне, не опасаясь, что каждое слово станет уликой.

Теперь прежде чем заговорить, люди смотрели друг на друга.

Москва умела замечать перемену власти раньше указов. Слуги начинали кланяться чуть ниже одним и чуть холоднее другим. Просители задерживались у прежних дверей меньше. Те, кто вчера искал встречи с Адашевым, сегодня оказывались заняты.

— Все, — сказал Адашев Висковатому.

— Что именно?

— То, что начинается всегда одинаково.

— Государь скорбит.

— Скорбь проходит.

— Не всегда.

Адашев посмотрел внимательно.

— Он считает нас виновными?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.